

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА ВСЛЕДСТВИЕ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Д.В. Дождев

Факультет права, Московская высшая школа социальных и экономических наук
119571, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 82, корп. 2
E-mail: dozhdev@list.ru

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00886.

В европейской традиции договорного права учение о существенных обстоятельствах волеизъявления выстраивается как часть раздела об ограничениях воли на сделку (*clausula rebus sic stantibus*). Изучение формирования этой доктрины позволяет выявить догматические корни регулирования в ведущих современных правовых порядках и наднациональных частных кодификациях договорного права. Истоки современного подхода, отдающего предпочтение не расторжению, а адаптации договора к изменившимся обстоятельствам, восходят к взглядам средневековых комментаторов, которые разработали объективную теорию каузы договора в рамках учения о существенных и акцидентальных элементах сделки. Современную тенденцию к адаптации долгосрочных договоров, представленную как в наднациональных частных сборниках договорного права, так и в действующих гражданских кодексах, можно подвести под научно обоснованное правовое основание, связанное с пониманием конкретных обстоятельств волеизъявления как существенного элемента возникающего из договора правоотношения.

Учение об обусловленности обещания сопутствующими обстоятельствами восходит к богословам XII—XIII вв. Опираясь на античную философию, Фома Аквинский раскрывает относительную ценность данного слова, устанавливая зависимость обязательства от новых условий и высших моральных и религиозных ценностей, составляющих нормативный контекст и наделяющих обещание силой. Канонисты и легисты строили свои теории в ходе обсуждения нескольких текстов римских юристов, с которыми традиционно увязывалась данная проблематика. Комментаторы-цивилисты XIV в. развивают понимание нормативной природы обещания в учение об определенности содержания договора, реализующего управляющую им норму применительно к конкретным

обстоятельствам и намерениям сторон. Бартол выступает с прямой критикой глоссы Аккурсия, противопоставляя абстрактному и неопределенному пониманию возможности будущих изменений фактических обстоятельств идею конкретного контекста волеизъявления, составляющего неотъемлемый элемент договора и правовых следствий юридического акта. Он раскрывает освобождающую функцию заключенного договора (*actus perfectus*), обращающего ожидания сторон в действенные права. Учет внешних условий в содержании правоотношения определяет искомую гибкость договора, позволяя адекватно реагировать на вариативность социальной и экономической среды, поддерживая найденный в договоре баланс интересов. Бальд интегрирует в содержание договора непосредственную цель сделки в качестве конкретной побудительной причины формирования воли (*causa proxima*). Кауза определяет юридический эффект сделки и его зависимость от обстоятельств, позволяя согласовать общее действие юридической нормы, управляющей данным правоотношением, с конкретными интересами сторон, обнимающими и неповторимый фактический контекст. Интеграция внешних обстоятельств (*exstrinseca*) в содержание правоотношения, достигнутая комментаторами, близка учению о конкретной каузе Дж. Ферри, которое лежит в основе современной теории адаптации договора к изменившимся обстоятельствам.

✦ Существенное изменение обстоятельств, кауза сделки, изменение договора, адаптация договора, отпадение основания, *clausula rebus sic stantibus*, ошибка, европейская правовая традиция.

1. Введение. Понятие существенного изменения обстоятельств относится к таким непредвиденным препятствиям к реализации волеизъявления (в обязательственных сделках — исполнению), которые, не исключая полностью возможности достижения ожидаемого результата (в обязательствах — невозможности исполнения), создают настолько серьезные затруднения, что ставят под сомнение само существование сделки и вытекающего из нее правоотношения. Существенность препятствия предполагает, что оно затрагивает те элементы сделки, без которых она не может состояться, так что, будь оно известно в момент волеизъявления, содержание сделки было бы иным или она не была бы заключена вовсе. Существенное изменение обстоятельств объективно сближается с такими категориями, как непреодолимая сила (форс-мажор), ошибка, отменительное условие, и относится к ограничениям волеизъявления. Будучи событием столь же непредвидимым, как и действие непреодолимой силы, существенное изменение обстоятельств отличается тем, что не исключает исполнение полностью. Наиболее близкой фигурой будет частичная невозможность исполнения, требующая соответствующего изменения содержания обязанности или — если предоставление

при этом теряет смысл и интерес для управомоченной стороны — отмены сделки. Ошибка относится к фактам, объективно известным в момент заключения сделки. Незнание таких фактов влечет порок формирования воли и может служить извинительным обстоятельством для отмены волеизъявления¹. Существенное изменение обстоятельств предполагает наступление будущих событий, которые не только не были известны при заключении сделки, но которые нельзя было и предусмотреть. Это же свойство отличает существенное изменение обстоятельств от фактов, введенных в отменительное условие: стороны могут намеренно указать ряд обстоятельств, наступление которых прекратит правоотношение (отменит сделку с обратной силой). Наступление же непредвидимых обстоятельств по определению невозможно включить в сделку, сделав специальную оговорку, что и создает проблему. Вопрос в том, признавать ли такую оговорку (традиционно именуемую *clausula rebus sic stantibus* — оговоркой о неизменности обстоятельств) молчаливо предполагаемой при любом волеизъявлении, будто воля на сделку, формируемая и изъясляемая в определенном фактическом контексте, непременно должна утратить силу при изменении условий. Если воля формируется здесь и сейчас, она зависит от контекста, так что при изменении условий она уже не может связывать лицо, давшее обещание.

Это суждение, вынесенное в плане субъективных оснований связанности сделкой, может быть развито с позиций признания объективных ограничений влияния воли на юридический эффект сделки. Отношение равенства, устанавливаемое юридической сделкой, формализует не только ожидаемое поведение сторон, но и учитываемые возникающим правоотношением обстоятельства, в которых призвано разворачиваться такое поведение. Правоотношение переводит в план формального целый комплекс фактических явлений, включающий и действия сторон, и

---

¹ Авторитетная американская доктрина относит к проблематике изменения обстоятельств дело *Mineral Park Land Co. v. Howard* 156 P 458 (Cal 1916): суд отменил договор, по которому ответчику следовало забирать гравий на территории истца, когда выяснилось, что материал лежит под слоем воды, о чем стороны не знали при заключении сделки. См.: *Gordley J. Foundations of Private Law. Tort, Contract, Unjust Enrichment.* Oxford, 2006. P. 351. Системные слабости юриспруденции общего права ведут к неспособности отличить существенное изменение обстоятельств от ошибки. В европейской юриспруденции такое смешение, как мы увидим, выдает перекося в сторону субъективистской трактовки формирования воли.

сопровождающий их контекст. Собственно, эта формализация и определяет утверждаемую и поддерживаемую правом свободу лиц, обнимаемых правоотношением, свободу как от произвола друг друга, так и от фактических обстоятельств. Правоотношение защищает стороны от игры случая, превращая исходящие из неорганизованной природной сферы явления в условия формальной связи, упорядочивающей социальное бытие участников в рамках предусмотренной сделкой цели. Правоотношение по самой своей природе минимизирует внешние риски². Возможное изменение обстоятельств, возникновение непредвидимых препятствий управляется правоотношением, даже если оно специально не предусмотрено волеизъявлением и не выражено в договоре. Этот аспект правовой формы составляет имманентное ограничение влияния воли на следствия сделки, объективно дополняя ее содержание и создавая дополнительные гарантии. Освобождающее действие права содействует субъективно осознанным устремлениям, снимая механистическую зависимость юридических следствий от выраженной воли сторон и упрочивая независимость лица от внешних обстоятельств. Объективная составляющая волеизъявления наглядно раскрывается в анализе реакции правоотношения на существенное изменение обстоятельств и постепенно находит в науке гражданского права адекватное, отвечающее развитому пониманию права осмысление.

Проблематика вновь возникших обстоятельств, затрудняющих исполнение, пробивает себе дорогу в европейской правовой мысли в контексте обсуждения обусловленности связывающего обещания и в целом источника договорных обязанностей. Первоначальная постановка вопроса нацелена на поиск оснований освобождения от обязательства и прекращения договора как исключений из незыблемого принципа верности данному слову и связывающей силы соглашений (*pacta sunt servanda*). В отличие от непреодолимых препятствий, исключающих исполнение или поражающих существенные элементы договора (*vis maior, force majeure*), затруднения, не подрывая совершенно дальнейшее существование правоотношения, ставят вопросы допустимости принуждения к исполнению стороны, незаслуженно испытывающей чрезмерные трудности (*impedimenta*).

² См.: Flume W. *Rechtsgeschäft und Privatautonomie // Hundert Jahren deutsches Rechtsleben. Festschrift zum hundertjährigen Bestehen des deutschen Juristentages 1860—1960 / Hrsgs. E. von Caemmerer, E. Friesenhahn, R. Lange. Bd. I. Karlsruhe, 1960. S. 209, 237.*

В римской классической философии права выбор в пользу обоснованного отказа от обещания делается не на основе сопоставления пользы кредитора и невыгод должника, но исходя из более общих соображений, когда верность слову не просто потребовала бы чрезмерных усилий или расходов, но угрожала бы высшим ценностям и подрывала бы верность таким моральным принципам, на которых покоится само человеческое общество. Если ты взял на хранение меч, а затем поклажедатель сошел с ума, рассуждает Цицерон, должен ли ты игнорировать это обстоятельство и вернуть, как обещал, меч безумному, подвергая его и окружающих смертельной опасности? (Cic., de off., 3, 25). Освобождает от данного слова, согласно Сенеке (Sen., de benef., 4, 34-35), который развивает ту же мысль, такое изменение условий, которое лишает смысла обычную верность в обязательствах: я обещал тебе помощь в суде, а ты подаешь иск против моего отца; я обещал сопровождать тебя в пути, а дорога стала небезопасной; я обещал тебе помощь, а у меня заболел сын³ или у жены тяжелые роды.

Очевидность выбора раскрывает относительность моральной ценности данного слова, хотя на верности обещаниям строится общежитие. Усложняя задачу и сопоставляя серьезность угроз и уровень опасности, можно выявить некие абсолютные моральные принципы: жизнь, семья, долг, честь, достоинство, милосердие, но главное для философов-стоиков — показать относительность нравственной и социальной ценности данного слова, поскольку эта ценность сама является функциональной по отношению к ценностям более высокого порядка. Необходимость придерживаться данного слова при любых обстоятельствах представляет собой наглядный пример неоправданной абсолютизации искусственных правил, выработанных цивилизацией для утверждения порядка в обществе, которые выступают, скорее, удачными ориентирами, позволяющими проводить в жизнь более существенные принципы, но сами по себе принципами не являются. Применительно к обещаниям и обязательствам таким принципом служит *fides* — верность, доверие, добросовестность, одним из проявлений которой и выступает соблюдение данного слова. Данное слово связывает не механически, а как инструмент обеспечения стабильности договорных отношений и достоверности волеизъявлений (*dictorum conventorumque constantia et*

³ Ср. пример, приводимый Цицероном (Cic., de off., 1, 10), когда сын заболевает у адвоката.

veritas — Cic., de off, 1, 22)⁴. Цицерон сближает *fides* с *iustitia*, правовой справедливостью (Ibid., 3, 104). На рубеже II—III в. римский юрист Трифонин (D.16, 3, 31 pr-1), также рассматривая изменение обстоятельств при договоре хранения, задается вопросом: следует ли возвращать деньги, взятые на хранение у того, кто затем был осужден и подвергся высылке, или их стоит сдать властям? И кому следует выдать вещи, сданные на хранение разбойником: ему самому или лучше потерпевшему? Все зависит от того, принимать ли во внимание лишь стороны или более широкий круг лиц, затрагиваемых сделкой. Более широкая трактовка позволяет выдвинуть подлинное правовое основание *fides*: справедливость (*iustitia*) не допускает, чтобы у кого-либо отнималось его добро. Правовая конструкция договора поклажи основана на *fides*, и она такова, что обман и недобросовестность опорочивают сделку настолько, что освобождают должника от обязательства.

Добросовестность — не моральный, а правовой принцип. Она отвечает за содержание сделки и за качество модельного участника правового общения, предъявляя к каждому требование соответствовать ожиданиям, связываемым сторонами с самой правовой формой. Права, вытекающие из соглашения, намного богаче слов волеизъявления, поскольку включают в себя и те параметры, которые привносятся в него правовыми принципами. Эти принципы обращены и к должнику, и к кредитору. Содержание обязательства включает в себя и общие требования к должнику как модельному участнику правовых отношений. Кредитор тоже не может выходить за рамки общей модели участника оборота и реализовать даже формально дозволенные требования, если они нарушают общеправовые принципы. Стороны соглашения связаны правом и его свойствами, а не текстом договора или обещания, которое действует лишь как правовое и только в правовом поле.

Выдвижение нормативных критериев связанности обещанием отвечает искомому правовому эффекту волеизъявления и правовому порядку реализации обретенной сторонами позиции. Такая трактовка проблемы соответствует адекватному определению предмета и маркирует высший уровень ее осмысления в истории правовой мысли.

Сужение перспективы до изучения правовых следствий обещания и ограничение горизонта соотношением воли (и волеизъ-

---

⁴ О тексте см.: Fiori R. 'Fides' e 'bona fides'. Gerarchia sociale e categorie giuridiche // Modelli teorici e metodologici nella storia del diritto privato. Vol. 3 / A cura di R. Fiori. Napoli, 2008. P. 245.

явления) и возникающих обязанностей выдает утрату подлинно нормативных критериев и подмену предмета изучения субъективными аспектами, ориентированными на изучение отдельной личности, мысленно выведенной за рамки общества — подлинного источника нормативности.

2. Глоссаторы, канонисты, комментаторы (XIII—XV вв.). Проблема зависимости волеизъявления от сопутствующих условий и меняющегося контекста в европейской правовой мысли ставится и решается в оппозиции к абсолютизации индивидуальной (конкретной) воли в качестве источника прав и обязанностей и гипертрофированному значению буквального смысла слов, в которых выражается и фиксируется воля на сделку. Уже в учении Фомы Аквинского (1221—1274) об обещании отмечается существенность для правопорождающей воли (*voluntas*) общих религиозных и нравственных целей, оправдываемых в более широком контексте оснований мироустройства⁵. Юридическая действенность обещания (*civilis obligatio*) должна находить основание за пределами личной воли и поддерживаться более широким нормативным контекстом⁶. Опираясь на Аристотеля, Фома развивает учение об основании (*causa*) добровольного обмена, которое может заключаться в уравнивающей справедливости или в щедрости (*Aquinas Th. Summa Theologica*, II, II, qu. 61, a. 3). С этих позиций логично обусловить обязывающую силу обещания материальным контекстом, который создает естественное ограничение воли. Объявляя обманом (*mendacium*) нарушение данного слова (*Summa Theologica*, II, II, qu. 110, a. 3), Фома делает исключение для обещания, противоречащего закону, а также для случаев изменения личного положения или условий сделки (*si sunt mutatae conditiones personarum et negotiorum*).

«Ведь как говорит Сенека, для того, чтобы человек был обязан сделать то, что пообещал, требуется, чтобы все обстоятельства оставались неизменными, а иначе он не был нарушителем обещания, так как пообещал то, что имел в виду, подразумевая необходимые условия; ведь он не нарушает своего слова, не выполняя то, что пообещал, раз те условия не существуют. Поэтому и апостол не солгал, когда не пошел в Коринф, куда обещал пойти,

⁵ См.: Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII—XVI вв.). М., 2016. С. 110 и Проблематика обоснования нерушимости клятв и обещаний нормами христианской морали занимала и более ранних богословов (см.: там же. С. 83).

⁶ См.: там же. С. 113.

как говорится в Послании к Коринфянам I, 2, и это вследствие наступивших затруднений»⁷.

Обращение к античным философам и Новому Завету, как и заимствование формулировки непосредственно у Сенеки (*ut omnia immutata permaneant*), говорит о самостоятельности данного рассуждения, в котором сила обещания ставится не просто в зависимость от субъективных представлений самого обещающего, но требует необходимого учета материального контекста (*debitis conditionibus*). За полстолетия до Фомы каноник Иоанн Тевтонский в Ординарной глоссе к Декрету Грациана (1215—1217 гг.) предлагает чисто субъективную трактовку обусловленности волеизъявления учетом внешних обстоятельств (*Johannes Teutonicus. Glossa. Ad c. 22, qu. 2, c. 14, n. 16* (“*furens*”). Lugdunum, 1560. Col. 1234), приводя в качестве основания освобождения от обещания то, что данное слово не распространяется на те обстоятельства, которые не были названы или которые не принимал во внимание обещавший (*verba generalia non extendunt ad ea de quibus non est dictum vel cogitatum*). Этот аргумент выдвигается в поддержку общеизвестного тезиса, что в любом обещании всегда подразумевается условие неизменности обстоятельств (*semper subintelligitur haec conditio, si res in eodem statu manserit*)⁸. И хотя в Декрете Грациана обсуждалась дилемма возвращения меча безумному (восходящая к Цицерону через Августина⁹), Иоанн дает ссылку на текст Дигест Юстиниана (*Afr., 7 quaest., D. 46, 3, 38 pr*):

«Когда кто-либо получил обещание по стипуляции, что будет дано ему самому или Тицию, Юлиан говорит, что скорее следует сказать, что исполнение правильно производится в пользу Тиция

⁷ *Ut enim Seneca dicit, ad hoc quod homo teneatur facere, quod promisit, requiritur, quod omnia immutata permaneant: alioquin nec fuit mendax in promittendo, quia promisit, quod habebat in mente, subintellectis debitis conditionibus; nec etiam est infidelis non implendo quod promisit, quia eaedem conditions non exstant. Unde et Apostolus non est mentitus, qui non ivit Corinthum, quo se iturum esse promiserat, ut dicitur II Corinth. I, et hoc propter impedimenta quae supervenerunt.*

⁸ О тексте см.: *Feenstra R. Impossibilitas and Clausula Rebus sic Stantibus. Some Aspects of Frustration of Contract in Continental Legal History up to Grotius // Daube noster. Essays in Legal History for David Daube / Ed by A. Watson (ed.). Edinburgh; L., 1974. P. 82; Rummel M. Die “clausula rebus sic stantibus”. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung unter Berücksichtigung der Zeit von der Rezeption in 14. Jahrhundert bis zum jüngeren Usus Modernus in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Baden-Baden, 1991. S. 37. Дж. Ости утверждает, что текст глоссы доработан Бартоломео да Бреши (ум. 1258 г.). См.: *Osti G. La così detta clausola “rebus sic stantibus” nel suo sviluppo storico // Rivista di diritto civile. 1912. Anno IV. P. 15.**

⁹ См.: об этом: *Полдников Д.Ю. Указ. соч. С. 93.*

лишь в том случае, если он остается в том же статусе, которым обладал в момент заключения стипуляции; если же он перейдет в усыновление или отправится в ссылку, или подвергнется лишению гражданских прав, или будет обращен в рабство, следует сказать, что производить исполнение в его пользу неправильно; ведь считается, что в стипуляцию молчаливо входит такое соглашение: «если останется в том же положении»¹⁰.

Использованное Иоанном выражение «*si res in eodem statu manserit*» выдает зависимость от обсуждаемого в тексте Дигест требования неизменности личного статуса лица, добавленного для получения исполнения (*si in eodem statu maneat*), тогда как максима, выведенная Юлианом (сер. II в.), содержит слово *causa*: «*si in eadem causa maneat*». Решение римского классика не могло не повлиять на понимание соотношения формального обещания и имплицированного соглашения (*conventio*) как подразумеваемого, но неотъемлемого элемента итогового договора¹¹: все рассуждение исходит из конфликта, возникшего между сторонами, одна из которых попыталась произвести исполнение в пользу лица, претерпевшего умаление правоспособности, а затем добивалась признания правового эффекта этого действия, опираясь на общие слова (*verba*) стипуляции. Юлиан обоснованно отказывается в поддержке такой позиции, выдвигая идею молчаливо имплицированного соглашения, обогащающего содержание обязательства и защищающего интересы кредитора, который мог бы сформулировать текст договора с учетом возможных негативных изменений, но тем не менее не обязан претерпевать последствия действий должника, совершенных без учета новых обстоятельств. Формальному толкованию *contra proferentem* противопоставляется общая обязанность участников правовых отношений действовать с учетом интересов дела в целом и тем самым не допускать наруше-

¹⁰ *Cum quis sibi aut Titio dari stipulatus sit, magis esse ait <Julianus> ut ita demum recte Titio solvi dicendum sit, si in eodem statu maneat, quo fuit, cum stipulatio interponeretur: ceterum sive in adoptionem sive in exilium ierit vel aqua et igni ei interdictum vel servus factus sit, non recte ei solvi dicendum: tacite enim inesse haec conventio stipulationi videtur 'si in eadem causa maneat'.*

¹¹ Трудно согласиться с Пфаффом, который ставит под сомнение значение этого текста для развития доктрины подразумеваемой оговорки о неизменности обстоятельств. См.: *Pfaff L. Die Clausel: Rebus sic stantibus in der Doctrin und der österreichischen Gesetzgebung // Festschrift zum 70. Geburtstag von J. Unger. Stuttgart, 1898. S. 221.* Уже К.Ф. Копп показал обратное (см.: *Kopp C. Ph. Dissertatio inauguralis de clausula rebus sic stantibus secundum ius cum naturale tam civile. Marbourg, 1750; Osti G. Op. cit. P. 17. Nt. 1).*

ния обоснованных ожиданий другой стороны. Исполнение в пользу указанного в договоре дополнительного лица (*adiectus solutionis causa*) после того, как ухудшения его статуса лишает его роль в отношении смысла, не может быть засчитано, и ссылка на буквальный текст договора, который не упоминает возможное ухудшение статуса такого лица, не должна приниматься во внимание (технически такая ссылка представляет собой злоупотребление правом). Эта обязанность имеет своим источником не общие социальные представления, не надуманную солидарность сторон и их сотрудничество, а собственно правовой принцип, поскольку само участие в правовом общении предъявляет к каждому совершенно определенное требование — соответствовать стандарту нормального (честного и осмотрительного) человека. Такая модель личности объединяет стороны отношения в том общем интересе, который создает для них сама правовая форма, призванная минимизировать зависимость от случайностей фактического (*alea factorum*), от непредсказуемости неорганизованного внешнего мира.

Этот текст и в дальнейшем находится в центре внимания канонистов¹², тогда как глоссаторы-легисты в XIII—XIV вв. разрабатывали сходную проблематику, основываясь на тексте Нерация (*Ner.*, 2 membr., D. 12, 4, 8):

«Слова Сервия из книги о приданом, что если брак заключен между лицами, из которых одно еще не достигло брачного возраста, то, что тогда дано в приданое, можно истребовать обратно, следует понимать так, что истребование допускается в том случае, если до достижения тем лицом брачного возраста последует развод, а пока они пребывают в том же состоянии брака, истребовать (то, что дано в приданое) можно не в большей степени, нежели то, что невеста дала в приданое жениху, пока между ними сохраняется помолвка; то же, что дается на этом основании еще до заключения брака, раз оно дается с тем, чтобы оно еще только поступило в приданое, то до тех пор пока оно может поступить, истребовать обратно нельзя»¹³.

¹² Beck-Mannagetta M. Die Clausula Rebus sic Stantibus und die Geschäftsgrundlage in der Dogmengeschichte // La formazione storica del diritto moderno in Europa / A cura di B. Paradisi. Firenze, 1977. Vol. III. P. 1269 sq.

¹³ *Quod Servius in libro de dotibus scribit, si inter eas personas, quarum altera nondum iustam aetatem habeat, nuptiae factae sint, quod dotis nomine interim datum sit, repeti posse, sic intellegendum est, ut, si divortium intercesserit, priusquam utraque persona iustam aetatem habeat, sit eius pecuniae repetitio, donec autem in eodem habitu matrimonii permanent, non magis id repeti possit, quam quod sponsa sponso dotis nomine dederit, donec maneat inter eos*

Глосса Ацо (Azo) к этому месту отсутствует¹⁴. Аккурсий (ум. 1263 г.) же противопоставляет грамматическое (глосса говорит о «диалектиках» — *dialectici*) понимание возможности заключения брака, когда приданое сможет получить основание (“*potest*”), практической целесообразности: если исходить из того, что в отсутствие выраженного развода возможность брака с достижением совершеннолетия сохраняется, пока живы оба супруга, истребовать приданое нельзя в принципе. Слово «может» следует понимать применительно к настоящему моменту, т.е. моменту предъявления иска: «поэтому мы судим в соответствии с настоящим и называем это «при неизменном положении вещей»» (*secundum praesens iudicamus et rebus sic se habentibus loquimur*)¹⁵. Бартол (1300—1357) не соглашается с таким пониманием, прямо возражая Аккурсию (*Glossa tua dicit contrarium — Bartolus. Commentaria [1493]. Lugdunum, 1535. Ad D. 12.4.8, fol. 42 r, col. 2*)¹⁶. Следуя грамматике (Бартол говорит о «логиках»), истребование приданого исключено до тех пор, пока сохраняется возможность брака, и слово «может» (*potest*) следует понимать как «до тех пор пока может, то есть остается возможным» (*quamdiu potest, id est possibile est*). Согласно Бартолу, ограничение *rebus sic se habentibus* нацелено на конкретизацию такой возможности, на ее привязку к обсуждаемому правоотношению, к данной помолвке (*praesentibus sponsalibus*), исключая, например, заключение брака с третьими лицами. Интеллектуальное усилие великого комментатора (*debet intelligi*)¹⁷ привносит в *rebus sic se habentibus* гене-

ad finitas: quod enim ex ea causa nondum coito matrimonio datur, cum sic detur tamquam in dotem perventurum, quamdiu pervenire potest, repetitio eius non est.

¹⁴ См.: *Rummel M.* Op. cit. S. 33. A. 67.

¹⁵ Текст приводится по: *Rummel M.* Op. cit. S. 26.

¹⁶ Этот спор игнорирует К. Люиг (*Luig K.* Die Kontinuität allgemeiner Rechtsgrundsätze. Das Beispiel der clausula rebus sic stantibus // *Rechtsgeschichte und Privatrechtsdogmatik / Hrsgs. R. Zimmermann, R. Knütel, J.P. Meincke.* Heidelberg, 1999. S. 177) и следующий ему Р. Кардилли (см.: *Cardilli R.* Sopravvenienza e pericoli contrattuali // *Cardilli R.* “Bona Fides” tra storia e Sistema. 2^{ed.} Toronto, 2010. P. 181—182).

¹⁷ М. Руммель противопоставляет понятийный подход Бартола, выраженный в слове «*intelligi*», простому вербальному в Глоссе — «*loquimur*» (говорим). См.: *Rummel M.* Op. cit. S. 69. Ему следует П. Пишона (*Pichonnaz P.* From Clausula rebus sic stantibus to Hardship: Aspects of the Evolution of the Judge’s Role // *Fundamina: A Journal of Legal History.* 2011. Vol. 17. Iss. 1. P. 134), противопоставляя догматический подход комментатора простому введению выражения в Глоссе. С этим нельзя согласиться. Бартол настаивает на грамматическом прочтении оговорки, тогда как Аккурсий предлагает редуцировать смысл широко

рализующий потенциал. Это не молчаливое отменительное условие¹⁸, но руководство к толкованию волеизъявления как акта, устанавливающего правоотношение в его конкретике. Так, если лицо отказывается от права, то оно отказывается не абстрактно — от того права, которым оно вообще могло бы обладать, а *rebus sic se habentibus* — т.е. в отношении тех прав, которыми оно обладает в данный момент или надеется обладать (*de praesenti re vel spe*).

Бартол прилагает принцип к ряду практических ситуаций, в частности, решая вопрос о возможности вернуть арендные платежи, внесенные за год вперед, в случае неурожая по непредвиденной причине: арендатор платит не за то, что «можно» собрать, безотносительно результата, а за возможность обрабатывать участок, дающий плоды, которые можно получать и можно будет получить (*Bartolus. Quaestiones aureae. Venetiae, 1450. Qu. 4, fol. 11 v, col. 2: qui percipientur et percipi poterunt*)¹⁹. Слово «*potest*» по своей природе обозначает не некую абстрактную возможность или удачу, но предполагает вступившее в силу правоотношение (*Ibid., fol. 12 v, col. 2: potest quod de sui natura non significat quandam possibilitatem seu fortunam, sed requirit actum perfectum*). Сходным образом, он допускает понижение арендной платы (*remissio pretii*) в случае войны, из-за которой наступило бесплодие земли и разрушение построек (*Bartolus. Quaestiones aureae. Venetiae, 1450. Qu. 4, fol. 12 v, col. 1*)²⁰. Здесь Бартол выходит на подлинно догматическую высоту, интегрируя в договор (волеизъявление) параметры искомого обязательства и вводя в научный дискурс идею определенности нормы, конкретизированной в данном правоотношении. Интеграция внешних обстоятельств (*extrinseca*) в содержание правоотношения близко современному учению о конкретной каузе²¹,

известного уже в ту эпоху выражения для целей осуществления правосудия. Напротив, идея конкретизации, которую Бартол вычитывает в клаузуле, не сопровождается догматически нацеленной терминологией. Впоследствии Бальд тоже вводит клаузулу глаголом «*loquimur*», но это не означает его отказ от осмысления этой фигуры.

¹⁸ См.: *Feenstra R.* Op. cit. P. 84.

¹⁹ См.: *Rummel M.* Op. cit. S. 27.

²⁰ См.: *Ibid.* S. 29, 73.

²¹ См.: *Ferri G.* Causa e tipo nella teoria del negozio giuridico. Milano, 1966. P. 345 sqq; *Ferri G.* L'«invisibile» presenza della causa del contratto // *Europa e diritto privato.* 2002. Fasc. 4. P. 897 sqq; *Rolli R.* Causa in astratto e causa in concreto. Padova, 2008. P. 109 sqq.

которое лежит в основе теории адаптации договора к изменившимся обстоятельствам²².

С именем ученика Бартола Бальда (1327—1400) связывают распространение формулы *rebus sic se habentibus* на все обещания: «*et promissiones intelliguntur rebus sic se habentibus*» (*Baldus. Commentaria* [1493]. Lugdunum, 1562. Ad D. 12.4.8 pr, fol. 364 r, col. 1)²³. Бальд соединяет клаузулу *rebus sic se habentibus* с достигнутым Бартолом пониманием юридического значения “*potest*” в D. 12, 4, 8 pr и приравнивает ее к словам Юлиана “*si in eadem causa maneat*” в D. 46, 3, 38 (*Baldus. Commentaria* [1495]. Venetiae, 1585. Ad D. 46.3.38, fol. 39 v, col. 1)²⁴. Он же приходит к выводу о том, что оговорка о неизменных обстоятельствах подразумевается и не требует специального упоминания в договоре, в отличие от других оговорок, дающих право на исковое возражение (*exceptio*).

Для нас существенна проработка Бальдом *rebus sic se habentibus* с позиций учения о каузе сделки. Уже Жак де Ревиньи (1230—1296), учитель Чино да Пистойя, давшего начало школе комментаторов в Италии, вывел максимум: «С прекращением причины прекращается и следствие» (*cessante causa cessat effectus — Belleperche P. Lectura in Cod. 1,3,51 [52], de episc. et cler., l. Generaliter*). Бальд считает обоснованной и обратную зависимость (*Baldus, Commentaria. Ad D. 12.4.8 pr fol. 364 r., col. 2*): «Заметь, что если основание не отпало, не отменяется и эффект» (*Nota quod ibi non est resoluta causa, non resolvitur effectus*). И отличает от абсолютной и абстрактной каузы относительную и конкретную. Глагол «*potest*» может относиться к любым внешним обстоятельствам без различения и к любому времени, но когда возникает нечто, связанное с побудительной причиной на сделку, коренящуюся в прошлом (*causa de preterito*²⁵), последующее раскаяние (отказ от исполнения) зависит от этой причины и оценивается применительно к новым обстоятельствам — *rebus sic se habentibus*. «Заметь, что этот глагол «может» понимается при неизменных обстоятельствах и

²² См.: *Fiori R. Bona fides. Formazione, esecuzione e interpretazione del contratto nella tradizione civilistica (Parte prima) // Modelli teorici e metodologici nella storia del diritto privato. Vol. 2 / A cura di P. Rescigno. Napoli, 2006. P. 202 sq.*

²³ См.: *Rummel M. Op. cit. S. 30.*

²⁴ См.: *Ibid. S. 33, 70.*

²⁵ Понятие связано с различением оснований для передачи на *datio ob causam* и *datio ob rem* в тексте Кв. Муция Сцеволы (Pomp., 27 ad Q. Muc., D. 12, 6, 52): здесь *causa* относится к прошлому событию, побудившему лицо на сделку (например, получение выгоды от другого лица), предоставление же *ob rem* осуществляется в расчете на встречное предоставление в будущем.

относится к ближайшей возможности, определенной и организованной: раз мы говорим «при неизменных обстоятельствах», так и обещания толкуются при неизменных обстоятельствах»²⁶. Термин «*potentia proxima*» (ближайшая возможность) сближается со словоупотреблением Альберта Великого, учителя Фомы Аквинского, и трактуется как синоним разработанного Бальдом понятия ближайшей цели (*causa proxima*)²⁷, технически указывающего на каузу сделки²⁸. Идея Бартола об определенности содержания договора, определяемой его структурой, применительно к конкретным обстоятельствам, из которых исходят стороны, дополняется у Бальда идеей конкретной побудительной причины, определяющей непосредственную цель сделки, при отпадении которой (вследствие непредвидимых и непреодолимых событий) должен допускаться и отказ от исполнения (эксцепция).

Авторитетный итальянский комментатор Ясон де Майно (1435—1519), развивая подход Бартола и Бальда, уже прямо подводит истребование приданого, обсуждаемое в D. 12, 4, 8 pr, под фигуру отпадения основания — *causa non secuta* (*Iason de Mayno. Lectura insigni super prima partem digesti veteris cum apostellis. Mediolanum, 1514. Ad D. 12.4.8, n. 1, fol. 144 r, col. 2*). Он же, опираясь на понятие *potentia proxima*, ограничивает действие подразумеваемой оговорки о неизменных обстоятельствах ближайшей целью сделки. Его ученик Филипп Деций (*Philippus Decius, 1454—1535*)²⁹ делает последний шаг к генерализации оговорки как имманентной любому договору, провозглашая ее в качестве *regula* (общего правила): “*communis regula rebus sic stantibus*”³⁰.

(Окончание в следующем номере)

²⁶ *Nota, quod verbum, potest, intellegitur rebus sic se habentibus et sic intelligitur de potentia proxima et certa et ordinata: quia rebus sic se habentibus loquimur, sic et promissiones intelliguntur rebus sic se habentibus.*

²⁷ См.: *Sollner A. Die causa im Konditionen- und Vertragsrecht des Mittelalters bei den Glossatoren, Kommentatoren und Kanonisten // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 1960. Bd. 77. No. 1. S. 233.*

²⁸ О тексте см.: *Feenstra R. Op. cit. P. 84.*

²⁹ См.: *Rummel M. Op. cit. S. 66 sq.*

³⁰ Впервые выражение “*clausula rebus ita stantibus*” употребляет профессор римского и канонического права в Сиене Ludovicus Potanus (1409—1439). См.: *Rummel M. Op. cit. S. 48 A. 142.* Сомнительно поэтому отнесение традиционной формулировки “*rebus sic stantibus*” к французскому легисту Андре Тираквеллу (*Andreas Tiraquellus, André Tiraqueau, 1488—1558*) в авторитетнейшей работе Ф. Раньери: *Ranieri F. Europäisches Obligationenrecht. Ein Handbuch mit Texten und Materialien. 3 Aufl. Wien; N.Y., 2009. P. 472.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII—XVI вв.). М.: Проспект, 2016.

Beck-Mannagetta M. Die Clausula Rebus sic Stantibus und die Geschäftsgrundlage in der Dogmengeschichte // La formazione storica del diritto moderno in Europa / A cura di B. Paradisi. Firenze: Leo S. Olschki, 1977. Vol. III. P. 1263—1276.

Cardilli R. Sopravvenienza e pericoli contrattuali // Cardilli R. “Bona Fides” tra storia e sistema. 2^{ed}. Torino: Giappichelli, 2010. P. 175—215.

Feenstra R. Impossibilitas and Clausula Rebus sic Stantibus. Some Aspects of Frustration of Contract in Continental Legal History up to Grotius // Daube noster. Essays in Legal History for David Daube / Ed. by A. Watson. Edinburgh; L.: Scottish Academic Press, 1974. P. 77-104.

Ferri G. Causa e tipo nella teoria del negozio giuridico. Milano: Giuffrè, 1966.

Ferri G. L’“invisibile” presenza della causa del contratto // Europa e diritto privato. 2002. Fasc. 4. P. 897—914.

Fiori R. Bona fides. Formazione, esecuzione e interpretazione del contratto nella tradizione civilistica (Parte prima) // Modelli teorici e metodologici nella storia del diritto privato. Vol. 2 / A cura di P. Rescigno. Napoli: Jovene, 2006. P. 127—228.

Fiori R. ‘Fides’ e ‘bona fides’. Gerarchia sociale e categorie giuridiche // Modelli teorici e metodologici nella storia del diritto privato. Vol. 3 / A cura di R. Fiori. Napoli: Jovene, 2008. P. 237—261.

Flume W. Rechtsgeschäft und Privatautonomie // Hundert Jahren deutsches Rechtsleben. Festschrift zum hundertjährigen Bestehen des deutschen Juristentages 1860—1960 / Hrsg. E. von Caemmerer, E. Friesenhahn, R. Lange. Bd. I. Karlsruhe: C.F. Müller, 1960. S. 135—238.

Gordley J. Foundations of Private Law. Tort, Contract, Unjust Enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Kopp C. Ph. Dissertatio inauguralis de clausula rebus sic stantibus secundum ius cum naturale tam civile. Marbourg: Typis P.C. Mülleri, 1750.

Luig K. Die Kontinuität allgemeiner Rechtsgrundsätze. Das Beispiel der clausula rebus sic stantibus // Rechtsgeschichte und Privatrechtsdogmatik / Hrsgs. R. Zimmermann, R. Knütel, J.P. Meincke. Heidelberg: C.F. Müller, 1999. S. 171—186.

Osti G. La così detta clausola “rebus sic stantibus” nel suo sviluppo storico // Rivista di diritto civile. 1912. Vol. IV. P. 1—58.

Pfaff L. Die Clausel: Rebus sic stantibus in der Doctrin und der österreichischen Gesetzgebung // Festschrift zum 70. Geburtstag von J. Unger. Aalen: Scientia Verlag, 1974. S. 221—355.

Pichonnaz P. From Clausula rebus sic stantibus to Hardship: Aspects of the Evolution of the Judge’s Role // Fundamina: A Journal of Legal History. 2011. Vol. 17. Iss. 1. P. 125—143.

Ranieri F. Europäisches Obligationenrecht. Ein Handbuch mit Texten und Materialien. 3 Aufl. Wien; N.Y.: Springer, 2009.

Rolli R. Causa in astratto e causa in concreto. Padova: CEDAM, 2008.

Rummel M. Die “*clausula rebus sic stantibus*“. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung unter Berücksichtigung der Zeit von der Rezeption in 14. Jahrhundert bis zum jüngeren *Usus Modernus* in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Baden-Baden: Nomos, 1991.

Sollner A. Die *causa* im Konditionen- und Vertragsrecht des Mittelalters bei den Glossatoren, Kommentatoren und Kanonisten // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 1960. Bd. 77. H. 1. S. 182—269. DOI: 10.7767/zrgra.1960.77.1.182.

ADAPTATION AND RESCISSION OF CONTRACT DUE TO THE FUNDAMENTAL CHANGE OF THE CIRCUMSTANCES: EUROPEAN CIVILIAN TRADITION AND MODERN TRENDS

Dmitry V. Dozhdev

Faculty of Law, Moscow School of Social and Economic Sciences
82, building 2, prospect Vernadskogo, Moscow 119571, Russian Federation
E-mail: dozhdev@list.ru

The research conducted under the Russian Foundation for Basic Research No. 17-03-00886.

The European civilian tradition presents the notion of “*clausula rebus sic stantibus*” as a kind of limitation to the contractual will of the parties. The idea can be followed back to the 14th century when the *causa contractus* became to be viewed as substantial element of the will and the legal bargain (*substantialia negotii*). The present-day re-born of the institute seems coordinated with the restored role of the good faith concept in the civil law and the establishment of the objective and normative approach to the formation of the individual will. The dogmatic foundations of the notion under study, easily recoverable from the works of Medieval jurists are seen in the recognition of these normative limitations of the will as a source of the integration of the external circumstances in the content the resulting legal relationship. The modern doctrine of the concrete cause of the contract is better viewed as dogmatic construction built on the general philosophical foundations of the European contract theory. The recent trend towards the adaptation of the long-term contracts (instead of rescission) observed in the last legislative reforms in some European jurisdictions and in *lex mercatoria* development is backed by a sensitive consolidation of the traditional legal notions and resulting deeper insight into the nature of the normative structure of the private law.

Following the Aristotelian tradition Thoma Aquinas reveals the relative value of the promise, emphasizing normative context of the supreme moral and theological

values that back its binding force. The Commentators of the 14th century developed the idea of normative nature of the promise into the doctrine of cause (*causa*). Bartolus re-examines the former juxtaposition of the floating and unstable factual context to the order expected from the legally organized relationship and advances the idea of normative expectations and legal formalization of the eventual change of the circumstances. The contract is viewed by him as a means to determine the content of the resulting legal relationship and to realize the legal norm in the concrete setting of circumstances according to the ends of the parties. Bartolus has stressed the relevance of perfect legal act (*actus perfectus*) in converting of the intentions of the parties into the legal structure of the obligation. The contractual relationship can react adequately to the new social and economic challenges preserving the established balance of the interests of the parties. Baldus comes to the idea of the immediate goal of the parties (*causa proxima*) as integrative element of the contract. The cause of the contract determines its legal effect and coordinates it with the concrete factual setting. The idea of the integration of the external circumstances into the content of the contractual relationship is proper to the modern doctrine of concrete cause (G. Ferri) that forms influential theoretical background for the adaptation of the contract to the changed circumstances (*reductio ad aequitatem*).

☛ Contract, hardship, frustration, *causa*, contract adaptation, rescission, *clausula rebus sic stantibus*, mistake, European legal tradition.

REFERENCES

Beck-Mannagetta, M. (1977). Die Clausula Rebus sic Stantibus und die Geschäftsgrundlage in der Dogmengeschichte [Clausula Rebus Sic Stantibus and the Basis of Business in the History of Dogma]. In: B. Paradisi, ed. *La formazione storica del diritto moderno in Europa*. [Historical Formation of Modern Law in Europe]. Volume III. Firenze: Leo S. Olschki, pp. 1263—1276. (in Germ.).

Cardilli, R. (2010). Sopravvenienza e pericoli contrattuali [Occurrence and Hazards of the Contract]. In: Cardilli, R. *“Bona Fides” tra storia e sistema*. [“Bona Fides” between History and System]. 2nd ed. Torino: Giappichelli, pp. 175—215). (in It.).

Feenstra, R. (1974). Impossibilitas and Clausula Rebus Sic Stantibus. Some Aspects of Frustration of Contract in Continental Legal History up to Grotius., In: A. Watson, ed. *Daube Noster. Essays in Legal History for David Daube*. Edinburgh; London: Scottish Academic Press, pp. 77—104.

Ferri, G. (1966). *Causa e tipo nella teoria del negozio giuridico* [Cause and Type in the Theory of the Legal Transaction]. Milan: Giuffrè. (in It.).

Ferri, G. (2002). L’“invisibile” presenza della causa del contratto [“Invisible” Presence of the Cause of the Contract]. *Europa e diritto privato* [Europe and Private Law], (4), pp. 897—914. (in It.).

Fiori, R. (2006). Bona fides. Formazione, esecuzione e interpretazione del contratto nella tradizione civilistica (Parte prima) [Conclusion, Performance,

and Interpretation of the Contract in the Civil Law Tradition (First Part)]. In: P. Rescigno, ed. *Modelli teorici e metodologici nella storia del diritto privato*. [Theoretical and Methodological Models in the History of Private Law]. Volume 2. Napoli: Jovene, pp. 127—228. (in It.).

Fiori, R. (2008). ‘Fides’ e ‘bona fides’. Gerarchia sociale e categorie giuridiche [Fides and Bona Fides. Social Hierarchy and Legal Categories]. In: R. Fiori, ed. *Modelli teorici e metodologici nella storia del diritto privato*. [Theoretical Models and Methodology in the History of Private Law]. Volume 3. Naples: Jovene, pp. 237—261. (in It.)

Flume, W. (1960). Rechtsgeschäft und Privatautonomie [Legal Transaction and Private Autonomy]. In: E. Caemmerer von, E. Friesenhahn and R. Lange, eds. *Hundert Jahren deutsches Rechtsleben. Festschrift zum hundertjährigen Bestehen des deutschen Juristentages 1860—1960*. [Hundred Years of German Legal Life. Jubilee Collection for the Centenary of the German Lawyers Day, 1860—1960]. Volume I. Karlsruhe: C. F. Müller, pp. 135—238. (in Germ.).

Gordley, J. (2006). *Foundations of Private Law. Tort, Contract, Unjust Enrichment*. Oxford: Oxford University Press.

Kopp, C.Ph. (1750). *Dissertatio inauguralis de clausula rebus sic stantibus secundum ius cum naturale tam civile* [Making the Inaugural Working of the Clause Matters so Standing Second Right with Natural as Well as Civil]. Marbourg: Typis P.C. Mülleri. (in Lat.).

Luig, K. (1999). Die Kontinuität allgemeiner Rechtsgrundsätze. Das Beispiel der clausula rebus sic stantibus [Continuity of General Principles of Law. The Example of the Clausula rebus sic stantibus]. In: R. Zimmermann, R. Knütel and J.P. Meincke, eds. *Rechtsgeschichte und Privatrechtsdogmatik* [History of Law and Dogmatic of Private Law]. Heidelberg: C.F. Müller, pp. 171—186. (in Germ.).

Osti, G. (1912). La così detta clausola “rebus sic stantibus” nel suo sviluppo storico [The So-called Clause “rebus sic stantibus” in its Historical Development]. *Rivista di diritto civile* [Journal of Civil Law], 4, pp.1—58. (in It.).

Pfaff, L. (1974). Die Clausel: Rebus sic stantibus in der Doctrin und der österreichischen Gesetzgebung [The Clause: rebus sic stantibus in the Doctrine and Austrian Legislation]. In: *Festschrift zum 70. Geburtstag von J. Unger*. [Jubilee Collection for the 70th Anniversary of J. Unger]. Aalen: Scientia Verlag, pp. 221—355. (in Germ.).

Pichonnaz, P. (2011). From Clausula rebus sic stantibus to Hardship: Aspects of the Evolution of the Judge’s Role. *Fundamina: A Journal of Legal History*, 17(1), pp. 125—143.

Poldnikov, D.Yu. (2016). *Formirovanie ucheniya o dogovore v pravovoi nauke Zapadnoi Evropy (XII—XVI vv.)* [Formation of the Doctrine of Contract in Legal Science of Western Europe (XII—XVI Centuries.)]. Moscow: Prospekt. (in Russ.).

Ranieri, F. (2009). *Europäisches Obligationenrecht. Ein Handbuch mit Texten und Materialien*. [European Law of Obligations. A Manual with Texts and Materials] 3rd ed. Vienna; New York: Springer. (in Germ.).

Rolli, R. (2008). *Causa in astratto e causa in concreto* [Causa in Abstract and Causa in Concrete]. Padua: CEDAM. (in It.).

Rummel, M. (1991). *Die “clausula rebus sic stantibus“*. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung unter Berücksichtigung der Zeit von der Rezeption in 14. Jahrhundert bis zum jüngeren Usus Modernus in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts [“Clausula rebus sic stantibus”. The Historical Dogmatic Study Covering the Period from the 14th Century to the Younger Usus Modernus in the First Half of the 18th Century]. Baden-Baden: Nomos. (in Germ.).

Sollner, A. (1960). Die causa im Konditionen — und Vertragsrecht des Mittelalters bei den Glossatoren, Kommentatoren und Kanonisten [Causa in the Definitions and Contract Law of the Middle Ages by the Glossators, Commentators and Canonists]. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung* [Journal of the Savigny Foundation for Legal History: Roman Law], 77(1), pp. 182—269. DOI: 10.7767/zrgra.1960.77.1.182. (in Germ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дождев Дмитрий Вадимович — доктор юридических наук, профессор, декан факультета права Московской высшей школы социальных и экономических наук.

AUTHOR'S INFO:

Dmitry V. Dozhdev — Doctor of Legal Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law, Moscow School of Social and Economic Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Том. 13. № 1. С. 102—121.

FOR CITATION:

Dozhdev, D.V. (2018). Adaptation and Rescission of Contract Due to the Fundamental Change of the Circumstances: European Civilian Tradition and Modern Trends. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(1), pp. 102—121.